

Мартынова Елена Ивановна

соискатель кафедры культурологии
и социально-культурной деятельности
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
kandidat.69@mail.ru

**КРЕЩЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ
КАК РЕЛИГИОЗНАЯ СТРАТЕГИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Аннотация:

Религиозная стратегия явилась катализатором для построения нового общества. В киевский период в результате Крещения Руси происходит формирование культурной идентичности. В результате достижения обновленной культурной идентичности в Киевской Руси формируется своя собственная национальная культура. В русле христианского учения, ориентирующего на духовные преобразования, у русского народа складываются определенные образцы поведения и стиль жизни.

Ключевые слова:

религиозная стратегия, культурная идентичность, Крещение, христианское учение.

Martynova Elena Ivanovna

PhD Applicant of the Cultural
and Socio-Cultural Activities Department
Ural Federal University
named after the first Russian President Boris Yeltsin
kandidat.69@mail.ru

**CHRISTIANIZATION OF
KIEVAN RUSSIA AS A RELIGIOUS
STRATEGY OF FORMING
THE CULTURAL IDENTITY**

The summary:

The religious strategy was the accelerator for the construction of the new type society. Christianization of Russia led to the forming of the cultural identity, and the renovated cultural identity resulted the appearance of the national culture in Kievan Russia. In keeping with Christian teachings guided by spiritual transformation the specific behavior models and the life style was formed in Russian culture.

Keywords:

Religious strategy, cultural identity, Christianization, Christian teachings.

Обновленная культурная идентичность формируется в процессе становления новой культурной общности, поэтому киевский период (IX–XII вв.) явился оптимальной моделью для исследования взаимопроникающих культурных контекстов древнерусской идентичности. Процесс построения идентичности дает понимание определенного представления о своем происхождении (часто через миф), своем отношении к иным идентичностям. Поскольку контекст рождения на протяжении многих веков предопределял характер построения культурной идентичности, представителям определенных народов было необходимо связать себя генетически с христианством, чтобы реализоваться через представление о сопричастности к миссионерской деятельности апостолов. В форме апокрифических и церковных сказаний такое явление было распространено на начальном этапе распространения христианства.

Необходимо отметить, что формирование культурной идентичности на Руси проходило под воздействием государственного соседства с Византией, которая «дала все, что нужно для создания русского верования о насаждении у нас христианства апостолом Андреем» [1, т. 1, с. 45]. Таким образом, предание о хождении апостола Андрея по русской земле, занесенное в летописи, прологи и в некоторые жития, постепенно сделалось общерусским верованием.

Итак, устойчивая и непрерывная струя христианства шла на Русь через Византию. Так, свидетельство о смиряющем влиянии византийских святынь на воинственных «руссов» сохранилось в Житии св. Георгия Амастридского. Как указано в житии, по молитвам христиан «варвары освобождаются от божественного гнева, устраивается некоторое примирение и сделка их с христианами, и они уже более не оскорбляли святыни» [2, с. 68].

При раскрытии вопроса об отношении древней славяно-русской идентичности к вновь пришедшему из Византии христианству следует сослаться на примитивность славянского язычества, поскольку на тот момент оно только переходило от чистого физического политеизма и шаманизма к воплощению обожаемых сил природы в образах животных и затем человека. В связи с этим характерными признаками славянского язычества выступали политеистичность, дуализм, анимизм, отсутствие космогонических мифов и культурного героя, поклонение предкам, культы плодородия и продолжения рода. Так, кроме больших каменных фаллических идолов, существовали маленькие фигурки домашних божков, изготовленные из дерева, которые «являлись принадлежностью языческого свадебного обряда и тоже выполняли функцию символа плодovitости, воздействия на рождение новой жизни» [3, с. 36–41].

В сущности, Древняя Русь приняла христианство потому, что славянское язычество в эстетическом аспекте было близко древним эллинам. Язычники «приходили к особым камням, отправлялись в священные рощи, приносили жертвы рекам и озёрам, бросали дары на дно колодцев, втыкали предметы в стволы деревьев, восходили на вершины холмов и гор, курганы и курганные комплексы, на которых иногда стояли идолы» [4, с. 11]. Все эти действия можно соотнести с поклонением священным рощам, особенно почитаемым в Греции и Италии. Например, Ксеркс, проходя через Ахею, запретил войскам причинять вред священным рощам Юпитера; а римские пастухи, заботясь о благе своих стад, молились о прощении на тот случай, если их овцы съедят листья со святого дерева рощи.

Однако протест волхвов по отношению к христианству был вовсе не опасен, поскольку в дохристианской Руси не была сложена и сама система широкой организации общественного богослужебного культа.

С одной стороны, острота христианского отрицания всех других богов значительно сглаживалась вышеуказанными свойствами неразвитости русского языческого культа. Поэтому в целом новая с благоустроенным общественным культом религия была принята сравнительно легко.

С другой стороны, введение христианства не возбуждало особенно сильного протеста, поскольку оно внедрялось не путем завоевания и насилия, а своим собственным национальным правительством. Поэтому, где влияние централизующей киевской власти принимались беспрекословно, история не знает о протестах старого язычества. Наибольшее упрямство язычников мы встречаем также в наиболее привыкших к общественному идолопоклонству крупных городах: в Киеве, Новгороде и Ростове.

Вместе с тем некоторое сопротивление в среде язычества оказалось бессильно изменить исторический ход, поскольку благородное наследие средиземноморских культур с укрепившейся богооткровенной религией в результате процесса аккультурации было воспринято и переработано уже самой Русью.

Однако в контексте взаимопроникающих культурных элементов древнерусской идентичности аккультурационный процесс протекал в условиях обострившегося противостояния русского язычества с византийско-варяжским христианством. Попытки князя Владимира в 980 г. в противовес распространяющемуся христианству обновить язычество, поставив ряд языческих идолов (Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла, Макошь – символы официальных русских богов), не увенчались успехом. Тогда Владимир «повеле кумиры испроврещи, а другия огневи предати» [5, т. 4, с. 177]; «идолы сокруша: деревянни сожгоша, а каменни изломав в реку ввергоша» [6, с. 39]. Таким образом, после 988 г. суть религиозной стратегии аккультурации была направлена на построение новой культурной идентичности Киевской Руси.

Необходимо отметить, что аккультурация со стороны Византии играла большую роль не только в принятии Крещения Руси, но и в формировании культурной идентичности князя Владимира, который «уразумел суету идольского заблуждения... возгорелся духом и возжелал сердцем быть христианином и обратитъ всю землю в христианство» [7, с. 108–109]. Поскольку основным проводником аккультурации являлась церковь, выбранная Русью религиозная стратегия обновляла культурную идентичность как всего древнерусского народа в целом, так и определенной личности в отдельности. Например, Иларион прибегает к многочисленным параллелям из Библии и упорно подчеркивает, что для новой веры потребны и новые люди: «По словеси Господню – вина новааго, учения благодатьна, в мехы ветхы... ново учение, новы мехы, новы языки (народы)» [8, т. 2, с. 30–43]. Раскрывая вселенский характер христианства и подчеркивая значение новых народов в истории христианского учения, Иларион переходит к описанию распространения христианства по Русской земле: «...вера бо благодатьнаа по всей земли простресея и до нашего языка рускааго доиде» [9, с. 30–43].

Вместе с тем религиозная стратегия рассматриваемого периода явилась некоторой реакцией на политические и религиозные притязания Византии. Поскольку основная идея была направлена на постепенное распространение христианства на все народы мира, в том числе и на русский, в дальнейшем с остротой встала необходимость утверждения самостоятельности русской церкви и необходимость духовного противоборства: в XI в. Ярослав Мудрый стремился к независимости Русской церкви от Константинопольского патриархата.

Религиозная стратегия внесла неоценимый вклад в становление новой культурной общности IX–XII вв. Попытки Византии духовно подчинить Русь привели к росту национального самосознания в русском обществе. В связи с этим процесс формирования культурной идентичности русского народа повернулся своей обновленной духовностью. Так, в процессе христианизации общественной жизни менялся и духовный мир самого народа, поэтому на первый план выступили такие качества, как: доброта, милосердие, душевность, бескорыстие, терпеливость, способность отречься от благ во имя светлой веры, идеала.

В процессе формирования культурной идентичности русского народа большая роль была отведена появлению национальных святых, образцов для подражания, в которых были воплощены народные идеалы о добре и зле. Например, первые святые – князья Борис и Глеб положили начало особому чину святости – «страстотерпцы», то есть не противившиеся насильственной смерти, в чем и выражался характер вольной жертвы. Непротивление мученической смерти на пути следования Христу придавало качество добровольных страданий и очищения как образец кенотипической святости, поэтому они и обрели в русском сознании статус святых.

Таким образом, в результате Крещения Руси была положена целая система воззрений, основанных на евангельских идеях любви к «ближнему», сострадании, жертвенности, бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит, самоотверженной готовности положить жизнь «за други своя». Как указано в Лаврентьевской летописи: «Блажен милостивии яко ти помиловани будут и блажен разумевай на нища и убога яко в день лютый избавить их Господь» [10, Стб. 293–295].

Однако в результате принятой религиозной стратегии возникали определенные сложности.

Во-первых, разобщение с Западом, поскольку с принятием христианства, русским, принявшим греческую веру, предстояло определить свое религиозное отношение, в частности к христианским народам латинского обряда. Так, к концу XII в. под влиянием религиозного разделения с Западной Европой, «все подобные следы прошлой близости к ней русских людей почти совершенно исчезают» [11, с. 266].

Во-вторых, в период «двоеверия» язычество многие века уживалось с учением церкви, что потребовало необходимой психологической адаптации в новой культуре. Например, еще в XIII в. в Новгороде существовал языческий обычай водить невест к воде; а в первой половине XIV в. при сливании кваса поднимали страшный шум, призывая и величая языческих богов, и били в бочки.

Однако в IX–XII вв. взятая Русью религиозная стратегия разрешила проблему межкультурного диалога, поскольку уравнивала Русь с остальными государствами. Христианство сблизило инородные культуры, обогатило их лучшими взаимными достижениями и ценностями: «Крещение Руси при Владимире приобщило молодое русское общество к христианскому миру» [12, с. 370–371].

В процессе культурной идентификации (процесс отождествления и приспособления в культуре) в результате Крещения Руси происходило достижение обновленной культурной идентичности, которая сопровождалась осознанием принадлежности индивида (группы) к определенной социокультурной общности. Поскольку в процессе идентификации человек обретает идентичность, важным компонентом построения идентичности являются традиционные ценности, через которые человек идентифицирует себя с определенной общностью и выражает свое отношение к иным идентичностям. Следовательно, культурная идентичность выступает как зафиксированный результат социального и культурного своеобразия и самобытности индивида (группы), помогает чувствовать собственную индивидуальную неизменность и признание этого другими людьми.

В результате достижения новой культурной идентичности в Киевской Руси формируется свой собственный взгляд и своя собственная национальная культура, а также определенный образ и стиль жизни. Таким образом, мировоззрение и самосознание русского народа постепенно складывалось в русле христианского учения, которое ориентировало человека на духовные преобразования, стимулировало стремление к самосовершенствованию, способствовало развитию феномена «русской духовности».

Однако уровень культурной идентичности в IX–XII вв. в результате взаимопроникновения культурных элементов осложнялся христианско-языческим синкретизмом, возникшим в период «двоеверия». Таким образом, новые формы самоотождествления накладывались на прежние, более глубоко укорененные формы идентичности, в результате чего и складывалась самобытная русская культура. Вместе с тем религиозная стратегия аккультурации дала толчок развитию самобытной духовности и явилась своего рода катализатором для построения нового общества.

Ссылки:

1. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2-х т. М., 1997.
2. Там же.
3. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1980.
4. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980 ; М., 1983.
5. Полное собрание русских летописей. Т. I.–XI. СПб.; М. 1841–2001 // Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125; Стб. 293–295.

References (transliterated):

1. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi: in 2 vols. M., 1997.
2. Ibid.
3. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnikh slavyan. M., 1980.
4. Frezer J.J. Zolotaya vetv'. M., 1980 ; M., 1983.
5. Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vols. I.–XI. SPb.; M. 1841–2001 // Lavrent'evskaya letopis' // PSRL. Vol. 1. Stb. 125; Stb. 293–295.

6. Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. «История Российская». Ч. 2. Летопись от 860 до 1238 года. М.;Л., 1962–1979; переиздание. М., 1994.
7. Карташев А.В. Указ. соч.
8. Лихачев Д.С. Великое наследие // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. С. 30–43.
9. Там же.
10. Фрэзер Дж. Дж. Указ. соч.
11. Карташев А.В. Указ. соч.
12. Вернадский Г.В. Киевская Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой; под ред. Николаева Б.А. Тверь; М., 1996.

6. Tatishchev V. N. Sbranie sochineniy: in 8 vols. "Istoriya Rossiyskaya". Part. 2. Letopis' ot 860 do 1238 goda. M.;L., 1962–1979; pereizdanie. M., 1994.
7. Kartashev A.V. Op. cit.
8. Likhachev D.S. Velikoe nasledie // Likhachev D.S. Izbrannye raboty v trekh tomakh. L., 1987. P. 30–43.
9. Ibid.
10. Frezer Dzh. Dzh. Op. cit.
11. Kartashev A.V. Op. cit.
12. Vernadskiy G.V. Kievskaya Rus' / transl. from Engl. E.P. Berenshteyn, B.L. Gubman, O.V. Stroganova; ed. by Nikolaev B.A. Tver'; M., 1996.